

Таисия Цой

Вселенные. Сборник рассказов.

16+

Таисия Альбертовна Цой

Вселенные. Сборник рассказов

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=56995748

SelfPub; 2020

Аннотация

Порой, когда смотришь на другого человека, кажется, что видишь в нём другую Вселенную – неизведанную, чужую. Эти десять рассказов-вселенных писались под конкретных людей, по их запросам. Всем же интересен параллельный мир, в котором ты, может быть, живёшь прямо сейчас.

Содержание

Вселенная № раз. Или «Маленькая богиня морской волны»	4
Вселенная № два. Или «Вересковая ведьма»	7
Вселенная № три. Или «Ангел славянских небес»	17
Вселенная № четыре. Или «Детёныш»	24
Вселенная № пять. Или «Головоломка	30
Вселенная № пять. Или «Наследие руин Песочного города»	36
Вселенная № шесть. Или «Навсегда»	40
Вселенная № семь. Или «Рыжая Нефть»	47
Вселенная № восемь. Или «Анорахи»	57
Сказка № девять. Или «Чайная лавка бабули Сиенчжи»	67
Сказка № десять. Или «Бу! Попался...»	73

Вселенная № раз. Или «Маленькая богиня морской волны»

Маленькая богиня сидела на краю утёса.

Светлые, бесконечно длинные волосы развевались под волны тёплого ветра с запахом моря. Она вся пахла морем. Маленькая богиня морской волны.

Рядом, свернувшись калачиком на изумрудной траве, лежал маленький дракон. У каждой маленькой богини есть свой маленький помощник – дракон. Несмотря на то, что помощники-драконы размеров гораздо меньших, чем их известные по общепризнанной мифологии собратья, они ничем им не уступали в плане «содержания». Они были не младше, не глупее, не слабее физически, пламя их было не менее жарким. В довесок ко всему, маленькие помощники за счёт своих пропорций были куда более пронырливыми.

Маленькая богиня зачастую пользовалась последними двумя качествами своего помощника не на пользу гармонии мира, а для личного увеселения. Например, дабы проучить хулиганов, злобных людей, недобрых. Двенадцать Статей Мира запрещали это делать категорически. Но, разве ж богине может кто-то указывать...

А Мунму и счастлив был. Характер у него был тот ещё тростниковый сахар... Дерзкий, ядовитый на язык, весь под стать своей хозяйке. Те, кто недолюбливал парочку, поговаривали, что у Мунму «ещё четвёртый палец не отрос», маленький он мол ещё, глупенький. Мунму бесился, пока маленькая богиня, покатываясь от смеха, в лицах рассказывала ему, что про него говорят обиженные.

– *Не обиженные! Не обиженные!!* – топал всеми четырьмя маленькими лапками Мунму, топорща в разные стороны взъерошенные усы. – *Они сами все виноваты! Не обижал я их, а привёл в равновесие чашу Мироздания! Никакой благодарности от этих двуногих смертных! Если бы они сначала думали, перед тем как сделать! Если бы они не делали того, чего делать не надо! Сами виноваты! А до моих пальцев им вообще не должно быть никакого дела! Это мои пальцы! Да я старше их всех, вместе взятых! Мне уже 1119 лет! До совершеннолетия какой-то год!*

– *Да успокойся, Мунму!* – улыбалась маленькая богиня. – *Ты же знаешь, смертные, это особые создания. Ни ума, ни логики, ни совести.*

Тогда Мунму выдыхал тонкую струйку синего пламени в течение ровно 327 секунд, и менял цвет с жёлтого (признак бессильной ярости) на ярко-рыжий (цвет его нормального состояния). Маленькая богиня приглаживала его длинные усы, и заплетала их в тонкие косички.

– *Что я тебе, ши-тцу, что ли...* – ворчал Мунму, но бла-

женно прикрывал огромные карие глаза, и замолкал.

Маленькая богиня сидела на краю утёса, покачивая ножками в крохотных сандалиях. Шёлковые одежды струились по обрыву мягкими волнами. Через год у Мунму отрастут четвёртые пальцы, он сможет держать Ёйджу. Конечно, будет безмерно собой гордиться, и на несколько месяцев станет невыносимо хвастлив. Надо будет у него эту драконью державу спереть, думала маленькая богиня. Пусть побесится...

Вселенная № два. Или «Вересковая ведьма»

Поле вереска... Порывы осеннего ветра разгоняют маленьких медовых фей и мысли в голове. Поле заканчивалось обрывом в морскую Пустошь.

*Холодной ночью с полной серебряной луной
Крик совы доносился издалика,
Девушка никак не могла заснуть
И схватила пальто и платье.
Она пошла глубоко во тьму,
Не заметив предостережения, что
Ясное звучание недоброго призрачного голоса
Наполняет ночь.*

*И она пошла к подножию горы
В свете волшебной луны,
Когда далёкий голос запел песню,
От которой разрывалось сердце.
И сквозь тени она увидела серебристо-белую
Фигуру невицы.*

Пустошь волновалась за неё, за ту, что стояла на самом краю обрыва, прикрыв зеркало души длинными чёрными ресницами.

Ветер разгонял мысли в голове. И фей.

– *И снова ты,* – возник в мыслях удручённый голос.

– *И тебе привет,* – умиротворённо подумала она, не посчитав нужным открыть глаза ради этого гостя.

– *Что на этот раз в голову взбрело?* – он зевнул, и мрачно растянулся во весь свой огромный рост на лиловых цветах, придавив ненароком одну из феечек. Та выругалась на гномьем, и пнула крохотной туфелькой в отместку его бок. Расправив помятые прозрачные крылья, напоследок показала ему недвусмысленный бранный жест. Он только снисходительно фыркнул в ответ:

– *Ты заметила, как они обнаглели в последнее время? Со всем меня ни во что не ставят.*

– *И я их полностью поддерживаю...* – мстительно подумала она.

По ночам на этом вересковом поле, что над морской Пустошью, ни слова не должно прорасти вслух.

По ночам на этом вересковом поле собираются те, кому и не нужно разговаривать словами.

Пустошь любит красивые звуки. И если ей понравится твой голос, она заберёт его у тебя навсегда. А ночью на этом

самом вересковом поле можно будет с обрыва услышать, как далеко внизу раздаётся протяжный стон, полный тоски и боли. Твой стон.

Он сладко потянулся. Она медленно приоткрыла мир своим глазам. Обернулась. Ну, точно, вот он, весь во всей своей белоснежной красе. Зубы, обнажённые в наглой улыбке, аж светятся. Так и дала бы ему в эти зубы, тролли его побери.

– *Зачем пришёл?!* – она нахмурила брови, сложив руки на груди.

– *Ой, вот не надо только тут делать вид, что ты меня не ждала!*

– *Я непросто тебя НЕ жду. Я каждый вечер молю всех фейри Пограничья, чтобы тебя боглы прибрали!*

– *Я тебе нравлюсь. Однозначно,* – и подмигнул. Ей! Подмигнул! Каков чёртов нахал! Да она его двумя щелчками пальцев может Пустоши подарить! Ведьма она, Вересковая, в конце концов, или нет?!

– *Да куда тебе. Ты и за десять щелчков меня с места не сдвинешь,* – зевнул он, демонстрируя показную скуку.

– *Ну, ладно, не за два...* – вечно она забывала, что на поле лучше свои мысли держать совсем-совсем при себе. И не думать их никак...

– *Ну, так что на этот раз?* – изогнул он бровь.

– *Мальчик.*

– *Мальчик?! Вкусный был?* – он залился хохотом в громо-

вом рокоте рыка.

– *Идиот! Я не ем детей!*

– *Ах да, у тебя пожизненная медовая диета...* – Волв сочувственно выпустил чёрные когти в мягкую почву.

– *Волвик, закрой рот. Оттуда тянет трупным ядом.*

– *Ну и что?! Ты вот только мёдом питаешься, а всё равно ядовитая как мышьяк.*

– *Да имп тебе под хвост!* – Юва безмолвно сплюнула в его сторону.

– *И тебе не болеть!* – Волв снова растянул чёрные губы в наглой улыбке. – *Так что за мальчик?*

– *Мальчик... Он приходит ко мне... Каждое утро садится на этот обрыв. Смотрит вдаль и не видит солнца. Не видит неба. Не слышит морской Пустоши.*

– *Он глухой и немой одновременно?!*

– *Дурак ты, Волвик. Он – несчастный. Он никому не нужен, ни своим, ни чужим. Знаешь, когда Пустошь воет зимними ночами не так страшно, как тогда, когда он молчит...*

*Она была нежна, как светлый рассвет,
Но глаза были неподвижны и холодны.
Вдали от всех времён, как проводы души,
Одиночество звучало в тихой песне.*

– Хммм... И как ты хочешь ему помочь? – во взгляде перевертыша впервые мелькнул неподдельный интерес.

– Я не знаю... – опустила она глаза в лиловое цветочное поле. – Я совсем не знаю...

– Да брось, Ювушка, ты же Вересковая ведьма! Ты же всем помогаешь!

– Волв, я... Я и правда не знаю. Это же ребёнок, ему же ещё и шести нет. А у него внутри горя больше, чем голосов у Пустоши...

– Юва. Послушай, – Волв заговорил в её голове вдруг серьёзно и тихо, без тени шутовства. – Иногда выход выглядит не совсем как выход, понимаешь? Я имею ввиду, что выход может быть совсем не таким, каким ты, или кто ещё с такой же дурацкой доброй душой, его видишь. Просто... Да блин! Как с тобой тяжело, Юва! Боггарт тебя разбери на бусинки! В общем. Ты всё сможешь, только не бойся. Я уверен, ты сделаешь всё правильно...

Песня затихла в полёте ночного ветра,
Певица замолчала,
Лишь слеза, пролитая молча,
Говорила о том, о чём она хотела спеть.
Девушка была так расстрогана,
Что сказала: «Не молчите,
Я не знаю почему,

Но ваша песня трогает меня!»

Маленький мальчик, лет пяти-шести, сидел на обрыве верескового поля. Свесив босые ножки в прохладу осенней Пустоши, он смотрел вдаль. Глаза его, обречённые белёсой пеленой от рождения не видели тварного мира. Он с первых дней жил в том мире, который построил для себя на ощупь. А это место, куда приходил каждое утро, он видел на запах. Запах тёплого верескового мёда. Запах справедливого моря. Море, оно ведь не человек, оно всегда справедливо. Даже когда жестоко.

*Певица подошла к ней,
В её взгляде, казалось, была робкая надежда.
Она нерешительно взяла девушку за руку –
Теперь пути назад не было.
Она запела песню для неё одной,
И та, зачарованная, тихо последовала
За певицей вверх по горе
К краю самого высокого утёса.
Вдали от всех времён, как проводы души,
Одиночество звучало в тихой песне.
Там певица пела свою песню
О тёмной роковой ночи,*

*Которая больше ста лет назад
Принесла ей огромное несчастье:
Молодой человек поклялся ей в любви,
Это было раннее счастье,
Но слепая ненависть её отца
Помешала тому, что было суждено.*

Юва присела рядом. Он почувствовал. Он всегда знал, что тут есть кто-то кроме него. Этот кто-то пах как вересковый мёд. Этот кто-то никогда не разговаривал с ним, не пугал, не кричал, не бил. Этот кто-то был тёплым, добрым и почему-то очень печальным. Так, по крайней мере, от этого кого-то пахло. Да, печаль и тепло тоже имеют свой запах, поверьте этому мальчику. Он знает...

Но этот кто-то никогда раньше не подходил так близко, не сидел рядом.

– *Почему ты всегда печальна?* – подумал мальчик, не отводя безликого взгляда от дали тёмного горизонта.

– *Потому что я хочу тебе помочь.*

– *Но, это же повод для радости, разве нет?*

– *Знаешь, милый, иногда выход... Он... Иногда выход выглядит как... Чёрт!*

– *Иногда выход пахнет Пустошью и немного вереском. И кажется не тем, чем является на самом деле,* – Юва удивлённо посмотрела на мальчика. Ветер трепал его волосы, пы-

таясь пригладить их то на одну сторону, то на другую. Но, глаза... Веки не дрожали от прикосновений ветра, не вздрагивали ресницы. Он знал. Милый, подумала Юва совсем-совсем про себя, как же так...

– *Я пойду с тобой, Ведьма верескового поля,* – по щекам ведьмы заискрились медовые капли. Терпкие, как эль. Горькие, как полынь.

– *Не плачь, ведьмочка, пожалуйста. У слёз не очень добрый запах. А вкус и вовсе горький.*

– *Да, милый,* – она стёрла рукавом платья капли. Шмыгнула носом. Встала над обрывом. Мальчик поднялся вслед за ней. Солнце открывало их, стягивая с двух пар ног одеяло ночи. Она взяла его за руку.

Мальчик запел колыбельную. Единственную, которую ему когда-то пела мать. Единственную, которую он берёт всё это время, не произнеся за свои пять лет и семь месяцев ни слова. Тонкий несломленный мальчишеский голос запел так громко, как мог в свой первый раз. И сама Пустошь замолкла, слушая самый прекрасный голос, какой она только слышала за свои века.

«Никогда в жизни

Вы не будете принадлежать друг другу»,

Тогда они решили поклясться в любви

В своей ранней смерти.

Но проклятье отца было сильным

*И даже там достало их.
Оно разделило их души,
Загнало её в это место.
Вдали от всех времён, как проводы души,
Одиночество звучало в тихой песне.
Певица всё ещё держала
Девушку за руку,
Когда, ослепшая от слёз, она поднялась
К высокому краю утёса.*

Вересковая ведьма сидела на обрыве и смотрела вдаль. Ровная линия горизонта гипнотизировала зелёные глаза. Волв бесшумно присел рядом. Ткнул в плечо бархатным влажным носом.

– Он разговаривает со мной, Волв. Каждый вечер. Пустошь поёт его голосом эту колыбельную каждую ночь. Каждую ночь, донев колыбельную, Пустошь шепчет его голосом «спасибо»... Но почему же так больно, Волв? Почему больно?? – Она беззвучно плакала. Волв обнял её за дрожащие плечи, ткнулся тёплым носом в затылок ведьмы.

*Но, уже исчезнув на дне,
Она услышала песню:
«Благодарю, моё дитя, только твоя смерть*

Разорвала оковы проклятья!»

Вдали от всех времён, как проводы души,

Одиночество звучало в тихой песне.

Стихи: группа Nenia C'Alladhan, песня «Schattengesang»

Перевод: Arhelion.

Вселенная № три. Или «Ангел славянских небес»

Она лежала посреди поля, раскинув в стороны руки и смотрела в небо. Изредка отмахиваясь от надоедливых июльских мошек, норовящих залезть в глаза, рассматривала куцые полосы белёсых облаков.

– *Н-да. Не густо на сегодня...* – Ася лениво перевернулась на живот, уместив подбородок на сгибе локтя. – *Нот, нам не пора ещё?*

Рожь всколыхнулась под недовольным вздохом Нота. Ну, как всколыхнулась... Всколыхнулась, если бы Нот дышал.

– *Ася. У нас нет пока заданий. Смирись.*

– *Бесчувственный ты... Как кусок металла...*

– *Ася, я и есть металл. Я твой нёрд, если ты не забыла.*

– *Тут на земле своё имя забыть можно от скуки, не то что про свой нёрд...* – недовольно проворчала Ася в ответ своему скоростному болиду. Если бы Нот умел дышать, он обязательно бы снова горестно вздохнул.

Ася была лучшей на курсе пилотов института Звёздного Неба. На выпускных экзаменах, когда каждый будущий выпускник должен был выбрать себе болид, ей предоставили право быть первой из всех 15 человек. А она что? Знаете,

что она тогда сказала комиссии?! Гордо вздёрнув подбородок, Ася заявила, что пойдёт первой, но выбирать будет не она, а они. Болиды то есть.

Комиссия была готова её по-тихому удавить под столом и спрятать бездыханное тело под стульями. Но старый ректор, бывший военный, не носивший ничего, кроме форменного мундира, увешанного боевыми наградами, вдруг засмеялся.

Ректора боялись все студенты, преподаватели и сама комиссия. Ректор был стар, но не дряхл. У него была боевая травма, отчего тот хромотал, припадая на левую ногу. Но при этом, пятерых грабителей в имперскую темницу приволок как нашкодивших щенков.

– *Пытались меня ограбить*, – пожал плечами, ответил ректор на допросе. – *А я не согласился. А они обиделись. Вон, видите, некоторые даже плачут до сих пор.*

Четыре из пяти рыдали аки красны девицы, проводившие своих богатырей на войну со Змеем Горынычем. Бились в истерике и просили его, ректора то бишь, никогда к ним не подпускать. А пятый... Тот вообще разговаривать перестал.

В общем, завязали они с разбоями и грабежом. Буквально за сутки.

Члены комиссии недоумённо переглядывались, пока ректор смеялся. Лицо его добродушно покраснело, в уголках ярких глаз заискрились слезинки. Ася боялась вздохнуть, по-

тому что не знала чего ожидать. Никто ещё за 25 лет не видел ректора смеющимся. Он и улыбаться-то не умел... А тут, смотрите-ка, ржёт сидит, аж слёзы катятся.

– *Девочка моя,* – отсмеявшись, вытирал он слёзы – *ты не в приют с котятами пришла. Ты идёшь выбирать себе болид, который будет с тобой ближайише 10 лет испытательного срока службы в войсках Приграничья. Ты ещё помнишь это?*

– *Да, господин Ректор!*

– *С чего ты решила, что у этих машин есть самостоятельное сознание, достаточное для того, чтобы выбирать кого-то? Почему ты считаешь, что у них есть право выбора?*

Болиды были оснащены искусственным интеллектом ровно настолько, сколько требовалось для беспроблемного общения со своими пилотами. Никаких изысков в виде эмоционального фона, умственного саморазвития им не давали. Но Ася...

Она не технарь, она пилот. И, тем не менее, находила общий язык с любым из болидов. Без инструмента. Просто садилась за пульт, и говорила «привет».

А у них, у всех и каждого, была одна реакция – сами выходили из спящего режима, подгоняли «седло» под Асю, пододвигали дисплеи. Просыпались они.

Все на курсе слышали про странную девочку Асю, *ангела*

славянских небес. Так её за глаза называли.

В тот день она вышла на периметр у корпуса, встала по центру выстроенных кругом болидов. Закрыла глаза. Комиссия, студенты, все затаили дыхание.

– *Привет...*

– *И тебе привет*, – она открыла глаза. На неё в упор смотрел чёрный хищный нъёрд. Лёгкие сплавы металлов по корпусу, последние достижения техники и программирования. Он был ястребом в этом курятнике. Ректор тихо кашлянул.

– *Ася, ты уверена?* – Ректор положил руку ей на плечо, пока она заворожённо рассматривала блики, играющие по бокам нъёрда.

– *Ага...*

– *Нот не простая модель, а экспериментальная... В нём немного больше сознания, чем мне бы хотелось видеть в болидах такого рода... Он ещё ни одного пилота не принял дольше, чем на один боевой вылет.*

– *Меня примет.*

– *Ну, как скажешь...* – он хмыкнул себе в усы. – *Ангел славянских небес...*

Ася и Нот, казалось, были созданы друг для друга. Он понимал её с полуслова, с полумысли, с одного движения бровью. А она всегда его слушала, внимательно. Ему было о чём ей рассказать. У него боевых вылетов больше, чем у

неё учебных за три года на курсе. Они любили друг друга так, как могут только любить пилот свой корабль, и корабль пилота в ответ. Нот её частенько дразнил, Ася в ответ огрызнулась. Но, это всё же была любовь.

– Ноооооот, мне скууууино... – Ася расстроено потянулась среди колосков, утомлённо зевнула.

– А я тебе говорил, давай ещё погоняем этих планетников по облакам, перед тем как их на атомы развеять. А ты – «да неееет, давай сразу в лоб им закатаем с прицельного!» и ну, шмалять! А я тебя предупреждал, что на твоём периметре их уже и так не осталось. Впору не посевы от планетников защищать, а планетников от тебя!

– Ой, всё. Слуууушай... – Ася хитро прищурилась. Нот всеми своими закрылками почувял приближающуюся задницу. – Давай на соседний сектор сгоняем, а? Развлечёмся?!

– Ася. Ты в курсе, что это противозаконно? Категорически запрещается вести боевые действия на секторе, закреплённом за другим истребителем институтом правления! – Если бы у ньёрда были пальцы, он обязательно указательным пальцем проткнул воздух в наставительном жесте.

– Не гунди, поехали! – Ася уже взбегала по ступеням трапа, предусмотрительно поданного Нотом.

– А ты знаешь, сколько ты просидишь в изоляционной камере, если тебя поймут?!

– Во-первых, не поймут. Во-вторых, не тебя, а нас.

– А я что? Я бездушный болид, ни интеллекта, ни разума. Это всё ты, куда пилот ведёт, туда лечу. – Нот деланно «пожал плечами», приостановив и вновь запустив выдвигание крыльев из-под обшивки.

– Говнюк ты, а не болид. – Ася включала по одному тумблеры. Нравился ей этот звук мягких щелчков.

– А ты помнишь, что этот сектор закреплён за племянником ректора?!

– Да помню я, помню! – Ася запустила бесшумный реактор внутреннего обмена.

– Он тебя с дерьмом сожрёт... А меня на шабашки пустят...

– Нот. Ты жуткий зануда. Племянник этот просто позорище какое-то, ни таланта, ни навыков. Ему ни в жисть меня не поймать. Позлить его это прям сами боги велели!

– Сама говнючка. Немиз хороший пилот.

– Нот, щас как обижусь, разведёмся к гхырам собачьим...

– Ася ухмыльнулась.

– Да перестань, лучше тебя, конечно, нет. А Немиз и вправду фуфел бескрылый... Ладно. Как обычно? План номер тридцать два?

– А почему не девятнадцать?

– Да Ася, пожалей мальчика. После прошлой недели, когда мы девятнадцатым планом три раза его сектор на уши поставили, он же на транквилизаторы сел.

– Ну, ладно, зоозащитник оленей и прочего рогатого ско-

та... Так и быть.

Вселенная № четыре.

Или «Детёныш»

Он шёл по выжженной земле, мягко прикладывая резиновою подошву высоких ботинок к сухой поверхности. В правой руке он держал старый добрый плазменный. Тот фига-чил от всей души, оставляя от мишени лишь дымящиеся ботинки. Это в лучшем случае.

Вдали громыхнул взрыв. Лениво, без охоты, Ник присел за первыми попавшимися руинами. Вернее, сначала он до них неспешно продефилировал, а затем уже за ними присел. Буднично вынул из-за пазухи помятую, а кое-где даже покусанную, армейскую флягу с НЗ*.

(*Неприкосновенный Запас)

НЗ ценилось выше жизни в этом мире. За эту флягу с качественным пойлом можно было купить пару неплохих наложниц, один шикарный местный болид для передвижения по поверхности планеты, или один ещё более шикарный (чем болид) бластер.

Но, местные наложницы здесь были на человеческий вкус не совсем привлекательными... Чаше, даже устрашающими... Синенькие такие, высокие, со щупальцами во все стороны и с огромными глазами мутно-чёрного. Тоже во все

стороны. Бррр... А на щупальцах ещё и пальцы. Все пять. Ей-Богу ужас.

На болиде перемещаться нет смысла – собьют. Даже учитывая начавшийся период затишья, когда даже перепалки внутри лагеря между своими были веселее, чем боевые действия на поле боя с противником. Вышли, навешали друг другу слегка, разошлись. Ещё в спину можно плюнуть. Те в ответ только отмахнутся, да лениво зададут средним пальцем вектор направления. Куда идти тебе следует, то бишь. У них, у этих дикарей, средний палец что-то навроде нашего указательного. А вот направление его вверх перпендикулярно поверхности планеты уже считалось оскорблением. Поскольку считалось, что всякое нечестивое, когда отмирает или выходит, то, расщепляясь на атомы, взлетает вверх. Говно всякое, в общем. Ну, да. Вы у них туалеты видели?! Не внутрь планеты отходники, а длинные перфорированные трубы, изолированные наглухо от запаха, влаги и не совсем влаги, устремляющиеся строго вверх. В среднем длина этих отхожих труб достигала метров 700. А дальше всё, что летело наверх, подхватывалось атмосферой планеты, и постепенно расплывалось в разные стороны.

В итоге когда ты подлетаешь к Первомайке (это название негласное, чисто человеческое), вид тебе открывается весьма... своеобразный... Учитывая цвет отходов жизнедеятельности первомайцев, ярко-алый (теперь ясно почему Перво-

майка?!). Летишь, сам себе весь такой приятный, и тут на поверхность обзорного стекла фигачит кровавистый сгусток объёмом литров пять.

Первопроходцы прям в своих креслах умирали от панической атаки, думая, что произошла разгерметизация и у них голова взорвалась на части.

В общем, полный тухляк тут сейчас. Финансирование администратий планет с обеих сторон прекратилось пару месяцев назад. А без денег какая может быть война? Правильно – хреновая война. Пинали друг друга в редких стычках скорее по инерции, после трёх лет непрекращающейся войны. Не поделили планетку. Как дети малые.

Ник сидел и попивал драгоценный НЗ, не теряя головы даже в условиях вялотекущего конфликта. Стреляли скорее ради развлечения, нежели дабы подстрелить противника. Его они видеть не могли, слишком хороша маскировка длинным плащом в цвет поверхности планеты. Напоминает наши песчаные дюны... И нет ни фи́га, так же как и у нас в пустынях. Ну и на кой, спрашивается, нам сдалась эта чёртова планета, где нет ни хрена, и у чьей атмосферы круглый световой год месячные?! Нет, ну не дебилы?

Ник откинулся на обрывок стены, некогда бывшей частью одноэтажного здания. Закрыв глаза. Подумал о родной пла-

нете. Улыбнулся.

И вдруг мысли прервались чьим-то скулежом. Нееее, подумал Ник, не открывая глаз. Быть не может такого.

Звук, напоминающий плач щенка, повторился.

– *Да нууу...* – Бросил Ник в воздух и открыл одни глаз. Осмотрел окрестности в зоне видимости. Установил с какой стороны идёт «сигнал». – *Надо проверить, похоже... Вдруг дети.*

Дети у первомайцев общались именно такими звуками – слово маленькой собачке на лапу наступили и стоят себе. Гадкий звук. Но, дети же...

Ник встал из укрытия, расслабленно потянулся, зевнул. Хлебнул из фляги, спрятал её в полах плаща. Вальжной походкой пошёл на звук. В углу бывших когда-то целыми стенами явно кто-то шевелился, не боясь спалить своё местонахождение. Звуки имели привкус отчаяния и бессилия. Но, это не было человеком или военным противником. Другие интонации, чужие герцы.

На вкус совсем как... Божечки мои.

Его взору предстал маленький птенец акуры. Акура – местное животное, довольно редкое. Не то, чтобы если увидишь акуру, то будет тебе удача, скорее наоборот. Животное оно злобное, едкое. Плюётся едкой плазмой, в смысле. Да и постебать сожителей по планете не прочь. Разумная тварь, с

юмором. Может пародировать человеческий смех на разные голоса. Огребёшься где-нибудь в канаве, споткнувшись по пьяной лавочке, эта зараза уже тут как тут. Крылья полутора-метровые распахнула и ржёт сидит. Твоим голосом же.

Выглядит акура как земная серая неясуть, с одним только отличием – цвет у неё тёмно-красный с синеватыми отливами, цвет венозной крови. А ещё размерами чуток больше. Раза в два всего. Вот такие вот шутки планетарной природы. Дичь страшная, короче, а не животное.

Ну, и разговаривает она своеобразно всё-таки. Как собака лает. А птенцы вот пищат так, словно на шпича мейн-кун сел.

Щенок раскинул крылья в разные стороны, растопырил перья и, смотря на Ника своими огромными бусинами-глазами исподлобья, протяжно завыл. Ник умилился – надо же, как похоже на вой койота с Земли, как родной.

– Ну, и что мне с тобой делать, мелочь? – Ник присел неподалёку, снова вынул флягу. Вопрос был скорее риторическим. Здесь птенца, то есть щенка... Животное. Здесь животное оставлять было нельзя... Жалко же. Забрать с собой, выходить и выпустить дружеским пенделем недели через полторы – успеет оклематься.

Мелочь заинтересовалась запахом, исходившим от гор-

лышка. Нюх у акуры был тоже собачий. Птенец... Щенок... Детёныш подковылял поближе, опираясь на красные крылья, как на костыли. Вытянул шею и заскулил, распахнув клюв.

– *Клянчишь, зараза?!* – В очередной раз умилился Ник. Протянул детёнышу флягу и капнул в клюв. Детёныш сглотнул. Сел. Провернул голову на 360. Распахнул крылья и встал.

– *Закоротило...* – Констатировал факт парень. – *Рановато тебе такое крепкое ещё... Ладно. Нам пора, чудовище.* – Ник сгрёб в охапку контуженое животное, аккуратно сложив крылья. Перо ему повредишь – никогда не отрастёт. Ещё и всю жизнь потом за тобой таскаться будет, как игуана, но из чувства мести и в кружку с чаем мелко гадить. Это из-за одного-то пера...

– *Назову тебя Тушёнка. А будешь меня бесить – съем. Ясно?!* – Детёныш в ответ моргнул правым глазом. – Ну, вот и договорились. Пошли домой, надо тебя осмотреть...

Вселенная № пять. Или «Головоломка

и

ма»

Сумерки сплотились над головой, окутав долгожданным безмолвием внутренние разногласия. В голове всегда становится тихо, когда на Город опускается темнота. Вернее, когда он видит, как на Город опускается ночь.

Любимые крыши, тонкий шарф, волосы в ветре, сигарета между пальцами, чай с чабрецом и мёдом. Ноги в потрёпанных кожаных туфлях свисают в бездну улиц вниз.

Только бы не мысли. Пожалуйста, хватит. Современная болезнь общества – слишком много думать. Или вы всерьёз считаете, что это только женская проблема?! О нет, вы искренне заблуждаетесь. Раздуть в голове стихийное бедствие из любой тени на асфальте не есть прерогатива исключительно прекрасной половины общества.

Он откинулся на спину, закинув руки за голову. Полы осеннего плаща взметнулись, распластавшись по сторонам серыми помятыми крыльями. Он прищурился в небо, только-только начинающее осыпаться звёздами. Яркие точки, маленькие, несущие радость. Веснушки. Весна. Скоро весна. И мы увидимся, обязательно увидимся.

Странная штука, если мысли роятся в голове не у женщины, то женщина непременно будет причиной. Не только наличия этого роя мыслей, но и темпа их хаотичного передвижения. Так или иначе, но это всё из-за них, из-за них, родных... Веснушки...

Из кармана выглянул *им*.

– *Бааарр*, мы снова на этой чёртовой крыше?! – Недовольным басом пробурчало создание из синего пушистого меха. На первый взгляд, *им* Барри выглядел вполне мило: эдакий пушисто-синий мышонок, с розовым носом и пронзительными глазами лилового цвета. Так бы и сделать ему уютю-тю пальцами. Но те немногие, кто не сумел удержать себя в руках, были незамедлительно обложены самыми невероятными ругательствами всего Средневосточного Мира Бесконечной Середины. Причём голосом эдакого английского гангстера, всю жизнь курящего сигары в три затяжки, и пьющего виски безо льда и залпом. А ещё он кусается. Больно.

Имы – души тех, кто вынужден перерождаться в наших мирах до тех пор, пока не решит Головоломку жизни человека, которого ему выбрали рандомным образом перед перерождением. *Имы* абсолютно по-разному выглядят, но никогда не бывают больше одной трети фута в высоту. Эдакие плюшки на ладошке. И ни-ког-да вы не сможете найти двух одинаковых *имов*, даже если облетите все миры Бесконечной Середины. Не-а, даже не пытайтесь. Сколько временных лет ушло на исследования этих созданий, даже представить

сложно. А всего-то и известно, что они смертны. Но чтобы их убить, это надо постараться. Даже не спрашивайте сейчас об этом, это ужасно, но такие исследования проводились. Но недолго, слава Всемирию.

Каким образом *имы* попадают к конкретному человеку тоже не известно. То ли они притворяются, то ли действительно перед рождением память отшибает.

И да, вполне возможно, что Свер был до перерождения самым злобным и опасным гангстером старого Лондона... А может, ворчливым рыбаком приморского городка, выходящим на охоту в шторм.

– *Свер, не ворчи.*

– *Тебе бы к экзамену готовиться, а ты всё об этой рыжей думаешь, рот от уха до уха, в глазах ни миллиграмма интеллекта! Одни девичьи кудряшки на уме, тьфу.*

Ветер трепал шарф Барри, развевая остатки запаха Лары. Это был её шарф...

– *Не забывай меня. Ни на минуточку...* – прошептала она ему в нос, и быстро клюнула в щёку. И в ту же секунду закинула на Барри концы своего шарфа так, что тот на миг потерялся в пространстве, выпутывая лицо из шёлка. А когда окружающий мир снова открылся ему, она уже смотрела на него сквозь окно реактопоезда, готового умчать её через сотни тысяч миль от этого места. Её глаза, зелёные в золотую крапинку, подрагивали от слёз.

– ... *Противная девчонка! Её место на кухне, у плиты!*

Негоже женщине по мирам шастать, да получать образований больше, чем у мужчины! – Деловито ругался Свер, назидательно вздёрнув в небо маленький указательный пальчик с чёрным коготком. Барри не удержался и хрюкнул от смеха.

– *Да что я с тобой разговариваю, недоросль...* – насупился Свер, и достал из кармана Барри сигару, размером под стать ему. Ну, точно гангстер! Подкурил хвостом. Ну, да, из кончика хвоста Свера можно добыть огонёк. Достаточный, чтобы поджечь его сигару. Но, на костёр его уж не хватит.

– *Ну, Свер, не сердись. Ты же знаешь, я всё сдам.*

– *Ну-ну... Попробуй только не сдать, я тебе устрою! Ты у меня месяц спать не будешь, пока всё не выучишь...*

– *Да с чего ты взял, что помощь в сдаче экзаменов и есть твоя Головоломка?!*

– *Так ты ничего больше не делаешь! Только учишься – не учишься, да о девчонках думаешь! Бесплезное звеньеце, прости-матушка...*

– *Ну не дуйся. А то ты похож на мышь...*

– *Сам ты мышь, щенок! Спать пора уже, поздно.*

Несмотря на все перепалки и откровенную неприязнь к Ларе, Свер был отличным приятелем. С ним всегда было о чём поговорить, он мог дать дельный жизненный совет, даже в отношении общения с Ларой. Хоть при этом и плевался страшно. Но, это всё показуха, на самом деле Свер был очень милым зверьком. Особенно если дать ему детского фрукто-

вого пюре в баночке. Пиршество неизменно заканчивалось тем, что Свер забирался в банку с головой, вылизывал сначала банку изнутри, а потом себя. Там же и засыпал. Иногда и банки доносилось посапывание и звуки икоты. Просто пюре действовало на него как лёгкое вино на человека.

Барру снился кошмар. Он не мог поймать его, уловить. Он метался по постели в холодном поту, вздёрнув руки, стонал, и снова падал на подушку. Во сне он пытался догнать реактопоезд, схватиться за крепления последнего состава. Уже вот-вот, только бы дотянуться пальцами... И в самую последнюю минуту крепления обращались в шёлковый шарф. Он выскользнул через пальцы Барри, шелестел *«не забывай меня, ни на минуточку»*. И гонка начиналась заново.

На тумбочке замер Свер. Он сидел неподвижно всю ночь, с тех самых пор, как первый сон накрыл Барри. Свер впал в подобие транса. Он не слышал звуков, не видел комнаты. Глаза горели ровным белым светом, освещая кровать и мчущегося по ней человека.

– *Проснись, Барр!* – кто-то опрокинул с тумбочки стакан с водой, и она пролилась на лицо, – *собирайся, нам надо бежать!*

– *Свер, ты чего? Через три часа экзамен... Совсем ополумел?* – Барри вытер ладонью воду, стекавшую по лицу.

– *Барр, головоломка сложилась. Дело не в экзамене. Нам надо сейчас же ехать за Ларой, она в беде, она ввязалась в плохую игру!* – Басил Свер, бегая кругами по тумбочке на

четырёх лапках.

– Откуда ты знаешь?

– Поверь, я знаю. Не могу объяснить. Оно само пришло. Нам пора ехать, собирайся. Иначе ты её потеряешь насовсем. В смысле она может погибнуть.

Барри выпрыгнул из смятой простыни и заметался по комнате, скидывая в кучу документы и одежду. Не в экзаме-не, значит... По спине пробежал холодок.

Вселенная № пять. Или «Наследие руин Песочного города»

– *Рафаэль, твою-за-ногу!* – Ютта, подобрав полы пышных юбок, летела вниз по лестнице, перемахивая через каждые две ступени, рискуя скатиться на первый этаж в клубке из длинных волос, кружев, оборок и отборного мата.

– *Где эта зараза!*

Тем временем, на чердаке хихикало.

Любая уважающая себя семья Межмирия имела чердак. При этом было абсолютно неважно, пользовалась ли семья чердаком или нет, он просто должен был быть. Семья Ютты не была исключением, посему чердак имела, и не провела там ни минуты. Даже если складывать время всех членов семьи, гостивших когда-либо в фамильном замке. Даже если включить тех, кто уже давно почил, а также самых дальних родственников, чьих имён уже никто не вспомнит.

В сантиметровом слое пыли, охраняющем полы чердака на протяжении всего многовекового срока существования дома, явно отпечатались чьи-то лапы. С когтями. В количестве четыре штуки. А ещё кончик длинного хвоста. С кисточкой.

Владелец этого всего богатства, обернувшись в кожистые крылья, прятался в темноте под крышей. И хихикал.

- И так каждое утро, да что ж за ритуал такой дурацкий! Я всё равно тебя найду, паршивец!! Все уже завтракать ушли, один ты шарахаешься по дому, в бирюльки играешь! А на десерт, между прочим, пастила! Я твою порцию Трью отдам!!

На чердаке обиженно завозилось и упало.

- Это моя пастила! – заголосил Рафаэль из приоткрытой двери в полу. В щель выдувало клубы многовековой пыли.

- Совсем с ума сошёл! Вылазь немедленно!

Набегавшись за день, наигравшись, выслушав все лекции, намеченные по школьному плану, дети окончательно выдохлись к шести вечера. Солнце клонилось к горизонту. Рафаэль клевал носом, сидя за столом, с которого уже убрали остатки ужина. Хвост с кисточкой мирно лежал рядом – верный знак, что драконий ребёнок в край устал. Ютта смотрела на эту картину с теплом матери всея драконьего мелкого царства. Они доставали её чрезмерно, эти мелкие чертята, она бесилась и ругалась.

Но, никогда всерьёз. И не поднимала руки, и даже не думала о том, что можно причинить боль этим созданиям.

Они последние драконы Межмирия. Чудо, что удалось их

найти в развалинах старого храма Песочного города.

Люди и не-люди покинули город много веков назад, оставив только оседающие стены из камня.

Экспедиция Ютты задержалась на объекте дольше, чем было запланировано, поэтому заночевать пришлось на руинах. В ту ночь она долго не могла уснуть. Сидела у костра, прислушиваясь к звукам ночи, словно ждала чего-то. И в спину толкнуло.

Порывисто вскочив на ноги, Ютта кинулась в темноту.

Когда участники экспедиции только-только собрались было осуществить план по паническому метанию и бесплодным поискам в ближайших пятидесяти метрах песка, Ютта выскочила из дыры в мостовой. Она валилась с ног, была перемазана пылью и грязью до макушки, юбка была разорвана и завязана на бедре. Сверху осталась только нижняя майка, неприлично спадавшая с плеч. А в рубашке, свёрнутой на манер сумки, лежало три больших розовых яйца. Синие крапинки не оставляли сомнений.

Драконы. И, поскольку в скорлупе не было отверстий и трещин, цвет не поблёк, значит, была надежда...

И теперь эту надежду надо каждое утро отдирать с трёх разных углов фамильного замка. Даже на чердак умудряются забраться, ироды. Не могут просто взять и пойти позавтракать. Обязательно надо сыграть в драконьи прятки....

– Ютта... – Рафаэль сонно потёр глаз лапой. – Ютта...

Ты расскажешь мне про войну Алой и Белой роз на ночь?

– Конечно, милый...

– А про Гамлета и Офелию?

– Если не уснёшь сразу, то расскажу, милый.

Ютта перенесла Рафаэля в детскую заклинанием. Дети детьми, а весят они уже в три раза больше неё. Хорошее питание – залог здоровья детей.

Укрывая ребёнка пледом, Ютта погладила Рафаэля по голове, поцеловала в нос.

Ты выживешь, ты обязательно должен выжить, милый. Иначе предсказаниям не сбыться, а нам не выжить...

Вселенная № шесть.

Или «Навсегда»

– Не волнуйтесь, вы в больнице, всё хорошо.

Бородатый мужик смотрел по-доброму, но со строгостью. Сразу видно, такой сюсюкать не будет. Холодные зелёные глаза врача цепко фиксировали мимику боли на лице.

– Вы помните прошлую ночь?

Ничего я не помню... Я хочу только спать... Оставьте меня...

Врач понял, что пациент скорее спит, чем жив. Тихо встал с места, сделал пару шагов в сторону двери палаты. И обернулся.

– Кто ж тебя так...

Молодой человек вышел ночью к шоссе. Голый, измождённый. Вышел и упал поперёк дороги. Там его кхар в утреннюю смену и нашёл. Думал сначала кукла, потыкал немного метлой. А когда «кукла» зашевелилась, издав какой-то нечеловеческий утробный рык, чуть хвост со страху не отбросил. Бежал аж на четвереньках до ближайшей телефонной будки, вызвал реанимацию.

Благо, что лето в самом разгаре, от переохлаждения помереть можно только в промышленной морозилке для рыбы.

Привезли горемыку в ближайшее подразделение реанимационного стационарного мед-юнита Миража в бессознательном состоянии. Всё тело в обширных гематомах и неглубоких, но многочисленных порезах. Видно было, что издевались, долго и со вкусом. Делали всё, чтобы человек мучался, но не умер. Душили, но откачивали сразу, как терял сознание.

Гипоксию тканей и органов определили на сканере молекулярных импульсов. Последствия отсутствия кислорода необратимы. Ему ещё повезло, что сразу откачивали, а не секунды через 3-5 например.

По всей поверхности тела делали аккуратные разрезы, достаточные для физических страданий, но недостаточные, чтобы скончаться от потери крови или болевого шока.

Били, разумеется. Было бы странно, если б не били. Неужели маньяк в окрестностях завёлся. Когда же аварды приедут, надо чтобы власти Миража разобрались кто это сделал.

Вспышки. Крики. Плач. Кровь. Смех. Кто я. Где я нахожусь. Почему так больно. Везде боль. Не понимаю. Тишина...

– Ты мой навсегда, до самого конца своей жизни... – и

снова темнота заплывших глаз вспыхивает яркими вспышками боли. Они как огненно-рыжие цветы, распускаются под закрытыми веками. Я не знаю, что они делают со мной, кто они и за что, но пусть делают побыстрее, чтобы я умер. Не могу больше.

Аварды рассыпались по палате. Маленькие ищейки-убойники получали данные из всего, до чего могли дотянуться. Не зря деньги налогоплательщиков Империи идут на развитие генной инженерии.

Правда, на людях эксперименты по клонированию и контролируемой мутации запрещены. Однако, несколько десятков лет назад, со скрипом, но разрешили затронуть несколько видов животных, популяции которых разрослись настолько, что уже пора была принимать ограничительные меры для их размножения. Пришлось признать, что наука не сможет дальше идти, если мы продолжим играть в гуманность. Необходимое зло.

Когда-нибудь поймут, что и на добровольцах из числа людей тоже пора начинать ставить эксперименты.

Аварды работают в команде из пяти ищек. Они все обладают равными способностями и силой. И внешностью. Только нашивки с именами и спасают. Маленькие гиенообразные щенки, ростом до середины бедра, прямоходящие, не издающие ни звука.

Милые орудия расследования особо опасных преступлений, связанных с посягательством на имперский строй.

Ищейки-убойники. Они могли без оружия разорвать человека на три части. Конечно, только если человек своими действиями намеревался убить или причинить вред. У них было разрешение на убийство, у единственных в Империи. Всё, что умерщвлялось не ими, ими расследовалось.

Один встал у двери, второй у окна, третий около кровати. Четвёртый взял за руку, пятый положил лапы на виски парня. Синтез метаматерии начался. Все пятеро одновременно закрыли чёрные глаза двумя плёнками век. Пятна на шерсти тускло замерцали синим. Обычно сеанс длится три минуты. На четвёртой синтез превращается в паразитирование на организме жертвы, вытягивает всё, что ещё еле держится в теле и добывает жертву.

На исходе третьей минуты первым открыл глаза стоящий у головы, последним – у двери. Те, что устанавливали контакт тактильно, кивнули друг другу и принялись обнюхивать каждую рану на теле больного, откинув в сторону больничную простынь. Зрелище презабавнейшее, но когда видишь в первый раз, вызывает ступор. Маленькие гиенки в имперской форме цвета пустыни, с погонями на шупленьких плечиках, обнюхивают жертву, забираясь прям на тело. Один фиксирует данные с головы до ног, второй – с ног до головы, двигаясь в хаотичном порядке навстречу друг другу. Ме-

тод двоичной профиксации самый надёжный, гарантирует отсутствие потерь даже самых незначительных деталей.

А ещё, если надо, они и облизать могут.

Когда они строем выкатились из здания, мужчина с бородой выдохнул. Аварды улавливают не только данные по жертве, но и цепляют много посторонних видений о тех, кто находился рядом с объектом, даже незначительное время. А потом кажется, что они очень укоризненно смотрят на тебя снизу вверх своими маленькими глазками, и тебя словно в Чёрную Дыру затягивает. Вспоминаешь вообще все свои косяки, и так стыдно становится...

Врач подошёл к больному, отсчитал пульс по запястью. Осмотрел все провода и трубки, всё ли на месте. Аварды никогда не причинят вреда, ступая бесшумно и не касаясь того, чего трогать нельзя. Маленькие ниндзя, честное слово.

– Ну, как ты?

Больной с трудом приоткрыл глаза.

– Так, фокусировка отсутствует, – врач сделал пометку в журнале. Парень пожевал губами, но не издал ни звука.

– Вспомнил что-нибудь? Как тебя зовут?

Парень моргнул. Молча.

– Ты не хочешь разговаривать?

Я не могу. Не могу разговаривать. Я с детства немой.

– Тааак. Писать можешь? – в ответ еле заметно кивнули.

– Ты помнишь, что с тобой произошло?

«Почти»

– Тебя пытали?

«Да»

– Знаешь кто это был?

«Нет»

– Теперь ты в безопасности, имперские начали расследование, преступнику не убежать. Твоя амнезия имеет, скорее всего, временный характер, скоро воскреснешь. Тебя нашли на шоссе. Ящер-уборщик. Он и вызвал бригаду. Ты в плохом состоянии, но мы тебя быстро подлечим. У тебя есть родственники, жена или девушка?

«Не пом»

– Понятно... Но, если что-то вспомнишь, дай знать. Если близкие есть, они должны уже волноваться. Судя по результатам анализов тебя держали около пяти дней. Аварды сверят твои данные с запросами на пропавших, и выяснят кто ты.

В коридоре раздались звуки приближающейся ссоры. Какая-то молодая, судя по голосу, дамочка ругалась с охраной мед-юнита.

Охрана не пускала всех подряд в здание, только по приглашению кого-то из персонала, либо по пропуску. Девушка ворвалась ураганом в палату. Дверь звонко ударилась в стену ручкой, отозвавшись болью в голове парня.

– Кто вы, и почему врываетесь без разрешения? Это режимный объект, здесь не место посторонним!

– Это вы тут посторонний! Этот парень мой жених! Роберт, милый! О Святые Империи, кто это сделал? Он поправится??

– Да, конечно, не волнуйтесь... – врача смягчили искренние переживания, отражающиеся на лице красивой молодой невесты. Девушка присела рядом с постелью, и, не удержав эмоции, обняла парня. Слёзы потекли из огромных карих глаз.

– Я думала ты до сих пор у родителей... О, Роберт... Я должна была почувствовать... Прости, милый, я должна была тебя спасти... Теперь мы никогда не расстанемся...

– Не буду вам мешать, ребята.

Врач развернулся в сторону двери, мельком взглянув на парня. Последний был бледен, в упор смотрел в глаза своей невесте, будто не верил в происходящее. Да уж, повезло с невестой – красивая, статная, и сама нашла, весь юнит перевернула, пробилась к любимому. Эх, молодо-зелено!

Врач закрыл за собой дверь под нежный успокаивающий шёпот девушки.

– Ты мой навсегда. До самого. Конца. Своей. Жизнишш... – девушка хищно улыбалась, растягивая последнюю гласную в шипящий звук.

Вселенная № семь. Или «Рыжая Нефть»

Город крошится.

Город горит.

Теперь этот Город мне нравится даже больше.

Никто не предупреждал.

Нет, в последнюю неделю СМИ только эту тему и мусолили. Конец света, апокалипсис, абрвалк, гнев Господень, мы все умрём и тому подобное. Но. Почему-то никто блин не сказал, что мне придётся выжить. Единственной.

– *Эй ты! Почему?* – Ази подняла глаза в небо горчичного цвета. Небо в ответ глумливо промолчало.

– *Ни тебе дождя из кислоты, ни разверзшейся земли до самого ядра, ни зомби, ни вирусов, ни египетских казней... У тебя что, идеи для убийства кончились?* – небо по-прежнему молчало.

– *Издеваешься, значит, да... Вот на какой я тебе хрен? Ну, зачем? В чём твоя чёртова божественная логика? Провидение дало сбой? Систему коротнуло? Может, я недостаточно грешила? Почему именно я? Нет, я не то, чтобы жалуюсь, не подумай, мне всего 16, жить да жить... Я просто ни черта не могу понять, в чём прикол?! Может*

есть где-то толстый древний фолиант из чистого золота, с обложкой, утыканной изумрудами, рубинами и алмазами, грёбаными Сваровски, на худой конец. И в этом фолианте мелким шрифтом, докторским почерком, написано пророчество, что мне одной суждено возродить этот мир из Хаоса. Мне кажется, что пророчества обо мне должны быть написаны именно почерком врача... Нейрохирурга какого-нибудь, непременно гениального. Потому что он настолько гениален в своей работе, что руками умеет только свою работу работать, а как писать не помнит уже лет 20. И даже коллеги врачи разобрать не могут, что за хрень написал.

Ази споткнулась об торчащую арматуру. Чертыхнулась.

– Господи храни берцы. Так вот, на чём я там остановилась... Ах да. Почерк нейрохирурга и моя судьба девичья. И вот, потому что почерк настолько отвратный, никто у вас там в небесной канцелярии не смог разобрать ни слова, кроме моего имени. Потому что моё имя любым почерком напиши, даже самым мразотным, всё равно НЕ прочитать невозможно! И некто святой, почесав от досады под нимбом репу, решил: да пусть живёт пока, всё равно ни хрена не понять. Авось сама сдохнет. Так, ДА?! – Ази снова вскинула голову. Небо спокойно смотрело в ответ, стойко переносило злобный взгляд зелёных человеческих глаз. Сдув со лба прядь каштановых непослушных волос, девочка поплелась дальше.

Уже третий день пошёл, как Ази беспорядочно шаталась по Городу и не находила никого живого. Вообще никого. Даже признаков их пребывания в городе. Даже мёртвых тел не было.

– Да вы бы хоть трупаков оставили, что ли! Я бы притворилась, что попала в компьютерную игру, мародёрствовала себе, веселилась... Хотя, на кой фиг мне ценности. Для меня же всё бесплатно! Вахахаха!

Девочка разгладила на себе чёрное пыльное платье одной очень известной и дорогой марки. Марки, которая сейчас, в общем-то, стоит ровно столько же, сколько и остальная одежда. Столько, сколько и квартира в небоскрёбе в центре. А именно – ровно нуль. Ничего.

Платье было прикольное, но ничем особым не выделялось. И как оно могло стоять в своё время столько бабла?! За что? Может оно сделано из ткани, которую ткут эльфы? Ушами. А нить для этой ткани вытаскивают из задницы единорогов сами ангелы. А чёрной она становится, когда проходит через василиска, от клюва до самой жопы. Фу, блин.

Платье чуть выше середины бедра, прямого покроя, с коротким рукавом, чёрное. В общем, выглядело как удлинённая футболка, только из материала типа шёлка.

– Коко Шанель бы мной гордилась. Ах, как идут к высокой

моды армейские берцы. Они тоже чёрные. А ещё в них удобно воровать платья...

Ази довольно ухмыльнулась, остановившись посреди полупровалившейся дороги. Достала из рюкзака пластиковую бутылку, открыла крышку.

– В жопу фэшин! Теперь я законодатель мод! Всем носить армейские сапоги и длинные футболки! Сжечь все вязанные бабушкиным крючком сапоги! В топку тряпки кислотных цветов и леопардовых принтов! Утопим стрёмные тапки Валенсиага в торфяных болотах! Вернём обратно к унита-зу коврики-жилетки из цветных кучерявых кошек и мужских париков!

Ази подняла в небо бутылку апельсинового сока, закончив свой тост. Затем сделала глоток, причмокнув от удовольствия. И поперхнулась, услышав посторонний звук. Замерла на месте, не смея даже бутылку сока закрыть.

Этаже на третьем. Разрушенная и осыпавшаяся высотка справа.

Ази метнулась за ближайший уцелевший угол, способный сокрыть её от посторонних глаз. Чуть выглянув из укрытия, она следила за выбитыми окнами, зиявшими наружу осколками стёкол и арматуры. Но там было пусто, ни теней, ни мельканий, ни отблесков. Но звуки всё равно откуда-то шли.

И они были странные... Не такие, как если бы кто-то там ходил, а... Невозможно объяснить, но что-то знакомое.

И от этого стало вдруг страшно.

– Хотите найти кого-то живого? Тогда мы идём к вам... А не надо было жаловаться. На тебе, дура, наелась?! Иди, знакомься теперь, спасительница мира херова... - бурчала девочка себе под нос, не отрывая взгляда от окон. Но там по-прежнему никто не появился.

– Ладно, чего в самом деле сидеть, да? Надо пойти и на-рваться уже на неприятности. А то третий день как под копирку – идёшь, ругаешься, жрёшь, спишь. Фу так жить. Пора действовать!... Но, блин, как палево-то, божечки...

Пригнувшись, перебежками от одной смятой машины к другой, она добралась до входа в высотку.

– Где у меня тут кнопка "сохраниться"? Чё, нету? Го-вённая игра, дизлайк разработчикам и одна звезда приложе-нию.

Девочка решительно заползла в здание.

Достав из кармана перцовый баллончик, она двинулась вперёд по коридору. Аккуратно переступая через разбитые куски стен, обвалившийся потолок и разломанную мебель, Ази добралась до комнаты третьего этажа, откуда всё громче раздавались странные звуки.

Это... Это словно...

– Да ладно, не в обиде. Погоди-ка, щас распутаем тебя. Ты только это, верни себе лицо обратно взад...

Девочка грохнула на пол походный рюкзак. Покопавшись в содержимом, достала складной швейцарский ножик. Сова лицо возвращать отказалась, пристально следят за каждым движением человека.

– Не бойся, я не причиню тебе вреда... – подходя к птице, Ази показала ей ладони, зажав раскрытый ножик двумя пальцами правой руки. Птица смиренно прикрыла глаза, но еле заметные движения торчащих ушей из перьев выдавали лёгкую степень недоверия. Ази осмотрела сеть, вычислила, где можно разрезать её так, чтобы она сползла с птицы, и при этом не пришлось пилить каждую грёбаную ячейку.

Резанув лезвием три раза, девочка отскочила назад.

Птица подобралась в кучку, втянув крылья и голову.

И, словно капля вязкой жидкости, начала вытягиваться во весь рост, плавно занимая всё пространство от пола до потолка. Не достав сантиметров десяти кончиками ушей до потолка, птица наконец выпрямилась. Запрокинув голову, она начала раскрывать гигантские крылья. Зрелище захватывало дух. От кончика пера одного крыла до противоположного было примерно два роста Ази, плюс-минус ещё половина её ноги.

– А теперь, я должна сказать «я чувствую тебя, брат» с дурацким акцентом, – сова в ответ дёрнула ушами из пе-

Роснано... – принялась загибать пальцы девочка. На последнем варианте сова издала звук, очень похожий на чих.

– *Ну а я тебе что говорю, Нефть – лучшее имя. А! Ещё есть Торф!* – Сова, широко распахнув клюв, показала язык и сделала вид, что срыгивает.

– *Ладно-ладно, Нефть... Ну, если хочешь, давай сократим до Нефь?*

– *Ухух!*

– *Ну, тогда пошли, что ли? Пора исследовать этот Радиатор Спрингс, убить пару зомбаков, вскрыть пару могил, своровать пару пачек патронов. Если повезёт, починим свой личный робото-спутник...*

– *Иииийй?...*

– *Таааа... Забей, это я глупости говорю. Из прошлой жизни, вспомнилось просто...*

Вселенная № восемь.

Или «Анорахи»

Он уныло брёл по раскалённым пескам Арахниды*.

**Планета-пустыня Арахнида славится своими изуверскими условиями. Местные жители называют её также Арахна. Сами жители при этом зовутся арахнами. Удивительное буйство фантазии, не правда ли?*

Первые люди, высадившиеся на планете, обнаружили из живого только приспособившийся вид неизученных паукообразных. Собственно, это всё, что успели обнаружить недокolonисты перед скоропостижной кончиной от невыносимой жары и отсутствия жизнеобеспечения. Собственно, поэтому и пауки остались неизученными. Занавес. Зато планетку без имени стали называть Ад. Между собой, хоть и в научных кругах. До присвоения официального имени она не дотягивала в размерах по ГОСТу.

Через несколько сотен лет на планете высадилась новая порция завоевателей. Откуда взялись, за каким чёртом поперлись в эту адскую задницу никто не знает. Более того, ходила молва, что сами колонисты тоже ни фиги не задумыва-

лись перед полётом.

Одним словом, женщины.

Проснулись как-то солнечным утром, и решили – айда покорять новые миры. И погнали куда глаза из-под нарощенных ресниц глядят, куда интуиция женская подсказывает, наводя красоту за пультом управления ханом*, не путая рычаги тормоза и газа, болтая по системе межсвязи с подружками-коллегами.

**Хан – межпланетное средство передвижения.*

Существует мнение (научно не доказанное, но очень распространённое), что этой партии новеньких удалось прижиться только потому, что действительно женщины.

Первый отряд состоял исключительно из особей мужского пола. Видимо, что-то не так с бытующим мнением о преимуществах носителей тестостерона... Думать об этом можно бесконечно, спорить тоже. Однако, факт – женщины единственные, кто там живут и по сей день.

Спустя пару тысяч лет население приняло окончательную форму, способную беспроблемно наслаждаться существованием в песках. Женщины генетически преобразили своё потомство, выведенное в сотнях ячеек инкубатора.

Они кропотливо добавляли и удаляли из хитросплетений ДНК необходимые звенья, всё теснее сближаясь с «абориге-

нами» членистоногими.

Итоговым результатом экспериментов пугали не только капризных детей, не желающих ложиться спать вовремя, или есть то, что приготовила zero-няня. Но также и взрослых мужиков, застуканных за пристальным изучением чужих округлостей, не принадлежащих жене.

– *Угораздило же...* – только и бормотал себе под нос Серый.

В мире Марх царил безусловный матриархат, о котором начальство забыло его предупредить.

Разумеется, не потому, что Серый на прошлом корпоративе в честь Нового года пел матерные частушки про руководство административного отдела межпланетных связей, упившись до созвездия Водолея.

– *Чистое недоразумение, Серёжа!* - сдавленно кряхтел главный администратор по zero-связи, которому на корпоративе больше всех частушек досталось. Но Серый отчётливо слышал, как на заднем фоне ржало двадцать шесть единиц персонального состава.

– *Лети, говорят, настраивай политические отношения... Повысим тебя, говорят, до гамма-администратора, если уговоришь главную матарх принять отряд учёных с кучей пробирок, бешеными глазами и кучей эротических фантазий...*

Серый уже вторые сутки брёл по пескам, даже не смотря в навигатор. Системы, разработанные дома, ни черта не фырчили на этой забытой мужскими богами планетке.

Высадившись на планете, Серый первым делом, припал к ногам местного населения.

Открыв запорные шлюзы, он вывалился наружу. Помимо матриархата, его также забыли предупредить об атмосферном давлении и наличии кислорода... Поэтому с криком «один шаг для Центра обработки данных административного отдела налаживания ааайплеаать» незадачливый космонавт рухнул со ступеней на раскалённый песок. Когда он поднял от земли шлем и взгляд, его уже окружали кольцом арахны.

В голову упирался десяток лёгких копий.

Тут надо объяснить, почему космонавт слегка испугался. Во-первых, конечно, потому что арахны подло использовали эффект неожиданности, а не потому, что парень был слегка трусоват. Во-вторых... Арахны.

Прекрасные экземпляры чудовищной красоты. Смесь точёных фигур амазонок и чего-то ещё, из детских кошмаров, что имело 10 волосатых проклятых паучьих лап.

Формула кентавра прочно соединила две противоположности в один устрашающе прекрасный сосуд. Верх – тонкий стан прекрасной девушки. Загорелая ровная кожа, переливающаяся крупницами золота на вечно сияющем солнце. Иде-

альной формы грудь с шоколадного цвета острыми сосками. Обнажённая, да. Видимо, это одно из примитивных проявлений феминизма. Лица, как у фарфоровых кукол. Волосы у каждой особи разные, тут всё как у обычных женщин. Кудрявых немного... А из цветов и стрижек всё то же самое, как у наших.

А на прекрасных лицах глаза... Вооот такие огромные чёртовы глазюки, ни зрачков, ни белков, ни хрена. Смотришь в них – как в чёрную дыру глядишься, того гляди и высосет твой разум через уши...

А низ от... Тут вот надо тоже ремарочку вставить...

– Вы, примитивные, неспособные к выживанию в условиях, чуть сложнее, чем в вашей квартире с мамочкой и женой, создания. Не удивительно, что вы так и не дошли до исследования изначальных жителей планеты. Это не науки, дорогой, – матарх смотрела снисходительно, беззлобно щурясь от проникающего света яркого солнца.

Но. Ничего не мешало ей сократить расстояние в 30 метров за один прыжок и откусить желудочными хелицерами голову незадачливого парня, раскусив ими позвонки за раз.

Арахны, как и все членистоногие, имели хелицеры. Но, в отличие от своих более понятных соратников по «членистым ногам», хелицеры арахн находятся на животе. Это позволяет захватывать добычу передними педипальпами, подтаскивая её к хелицерам. В свою очередь, эти жуткие жвала перемалы-

вают добычу в фарш, пригодный для потребления прямым способом в пищеварительную систему. Для этого на животе имеется отверстие, укрытое от внешней среды заслонкой из пластины прочного хитина. Она отодвигается в сторону при необходимости. Надо ли говорить, что Чужой по сравнению с этими созданиями искусственной эволюции, просто мими-мишечка и душка...

– Это сольпуги, дорогой. Особые животные. Выносливей, удивительней, прекрасней пауков. Они любят солнце, могут передвигаться по песку со скоростью 16 километров в час, прыгают в высоту на один метр. Великолепные хищники, обладающие самой развитой трахейной системой из всех паукообразных. Сольпуги даже со скорпионами управляются легко. Также легко, как прокусывают человеческий ноготь или кость мелкой птицы. Это сыграло очень большую роль в становлении нашей цивилизации, как видишь.

– Да, дорогой, – кривляясь, копировал интонации матарх Серый.

– А ещё, эти удивительные животные могут жрать без остановки. Если рядом будет еда и сольпуга её найдёт, то будет совать в свою топку, пока не лопнет, и ноги в разные стороны! О, а беременные сольпуги ещё прозорливее, хотя куда, казалось бы, да?! А во время спаривания бревно бревном же! Такое инертное, что самец на себе это бревно тас-

кает! А во время брачного периода агрессивная, как сука! А эти такие спокойные только потому, что спариваться не с кем! Уже пару тысяч лет. Да кто вообще по своей воле захочет с ними... Ой, да фу!... Они же при любом контакте топчут свои педипальпы, раскрывая жуткие желудочные челюсти как пасть, и издают мерзостный скрип этими жвалами. Это у них обнимашки такие блин. Атакующая стойка, между прочим, та же. Обосраться вообще можно! Лучшие кастрация на живую без анестезии разводным ключом и детской лопаткой. Этот звук теперь меня всю жизнь преследовать будет в ночных кошмарах...

Серый всё брёл, и брёл, толкая ногами миллиарды золотистых песчинок. Солнце палило нещадно. Голову пришлось обернуть единственной вещью, без которой можно было обойтись в этот момент.

Ещё никогда Серый не был так рад тому, что носит семейные трусы.

К чёрту эстетику! Будь благословен человек, придумавший семейки! Каждый мужик всегда должен помнить о том, что у него, чисто гипотетически, есть шанс оказаться на планете, где нет ни хрена, кроме песка и солнца. А зонтика нет. Зато есть семейные трусы! Семейные трусы – последний оплот человечества... Которое тут не прижилось ни фига.

– Феминистки членистоногие, укушенные в голову...

Постаравшись как можно более кратко описать цель своего визита, и при этом ни разу не посмотреть на грудь матарх, Серый ожидал решения за дверями Зала Света. В коридоре. Сидя на полу. Сначала не понял, а потом вспомнил, что у арахн нет пятой точки, в общепринятом человечеством смысле.

– *Зато не сидят на жопе ровно,* - пробормотал Серый под нос, и невесело улыбнулся.

– *Заходи, аноракхи.*

**Аноракхи – чужак на арахнейском. Да, и язык у них свой.*

Аноракхи зашёл в Зал, встал за установленные 30 метров до ложа матарх. Приближение на сантиметр ближе грозило мучительной смертью от копий десятка лёкширкх*.

**Лёкширкх – охрана матарх. Кстати, матарх это верховная самка. Ну, так, на всякий случай говорю.*

– *Высочайшие атмах сообщили мне через нити судьбы, что мы готовы открыть свои радушные объятия твоим соплеменникам,* – при слове «объятия» матарх сделала неуправляемое движение педипальпами, которое совсем не выглядело как радушный настрой... Скорее, как готовность к обнимашкам, которые с тем же успехом могли быть элементом молниеносной атаки с последующим торжественным поеданием.

нием парламентёров...

– ... *Только при одном условии, – Серый затравленно посмотрел на хелицеры. – Если ты, аноракхи, выдержишь священное испытание атмах. Тебе нужно продержаться в пустыне, без посторонней помощи 40 дней и ночей. Выживешь – мы позволим твоим изучить планету и нашу цивилизацию. Сдохнешь – станешь праздничной закуской для жриц атмах.*

И пошёл Сергей... На фиг пошёл, прямо скажем. Вот прям из зала сразу и пошёл. Чаем не напоенный, ужином не накормленный, напутственным словом не обласканный. Спасибо, что не обняли напоследок. Нити судьбы блин. По любому из жопы паутину тянут! А строят из себя до фига сольпугу.

– *Подыхать, так с музыкой!* – решил Серый вслух, и запел.

I tried so hard
And got so far
But in the end
It doesn't even matter
I had to fall
To lose it all
But in the end
It doesn't even matter

Отбив ритм невидимыми палочками, он побрёл дальше.
До конца испытания оставалось 37 суток и 20 часов.

Стихи: группа Linkin Park, песня «In the end»

(Покойся с миром, наш кумир, мы будем любить тебя всегда)

Сказка № девять. Или «Чайная лавка бабули Сиенчжи»

В чайной лавке было тихо. Занавешенные выцветшими гобеленами огромные окна, еле-еле пропускали тусклый солнечный свет.

Пахло пылью, благовониями, китайским чаем с ягодками, немного затхлостью. Повсюду были расставлены резные древние сундуки абсолютно разных размеров. Целая армия сундуков, сундучков и сундучищ. Стоя друг на друге, они создавали иллюзию колонн, уходящих в небо. Высокие потолки терялись в темноте. На сундуках были гравюры из древних китайских легенд. Среди полчищ сундуков вы никогда не найдёте двух похожих. В Китае достаточно легенд о роде Сиенчжи, чтобы разрисовать ими всё их имущество, передающееся из поколения в поколение, и ни разу не повториться.

Говорят, этот род ведёт своё начало от зарождения Доисторического Китая. А ещё некоторые шепчутся, что первые каменные орудия, найденные в Шанчэне на юге Китая, оставили более двух миллионов лет назад именно предки рода Сиенчжи. В общем, много чего говорят об этом роде. И что с демонами и духами водятся, и что домашних драконов держат, и что обладают тайными знаниями, и что вместо будильника у них сама Лунь-няо. Но в глаза ни о чём не спрашива-

ли. Вдруг неправда, и как жить-то потом?

Парочка молодых людей ввалилась в лавку, глупо хихикая, толкаясь и вообще всячески веселясь. Дело-то молодое, каждому лет 20.

Они шли по узкому коридору, выводящему посетителей в зал. Коридор казался несколько кривоватым из-за того, что-то слева, то справа росли колонны сундуков, помимо разбросанных полок со статуэтками, фигурками, сосудами, чашами, коробочками, монетами, картинами и прочим барахлом. Это напоминало сорочье жилище – настолько много было всего, и всё такое яркое, блестяще – звенящее, притягивающее взгляд.

С любопытством озираясь, молодые люди иногда аккуратно дотрагивались до самых интересных вещей кончиками пальцев. Девушка, невысокая тонкая особа, с огромными карими глазами и пушистыми ресницами, замерла около фигурки лисицы с девятью хвостами.

– *Смотри, кицунэ!* – девушка показала пальчиком на фигурку, закрытую стеклянным колпаком от внешнего мира.

– *Да откуда в Китае кицунэ? Не путай свою любимую Японию с моим любимым Китаем,* – смеясь, остудил её парень. Светловолосый, голубоглазый и невероятно высокий (по меркам Китая, разумеется), он неизменно привлекал внимание всей улицы маленьких местных жителей. Они провожали его с восторженным придыханием. А некоторые особо ретивые даже предлагали своих дочерей для замужества.

– *Это не кицунэ, это...*

– *Яо-ху*, – звонкий старческий голос не дал свершить молодому человеку ликбез над своей девушкой.

Молодые люди повернулись на звук. Голос пришёл из глубины зала, к которому вёл кривой коридор. Они двинулись на предположительный источник звука, осторожно ступая по коврам. Коридор вывел их к комнате с высокими потолками. В глубине комнаты, под занавесями из тончайшего тюля и тяжёлых гобеленовых штор стоял низенький чайный столик тёмного дерева. Подле него были хаотично разбросаны подушки. На одной из них сидел человек. Круглое лицо было испещрено морщинами. Глаза были блаженно закрыты, на губах блуждала улыбка. Человек был полностью замотан в цветастый плед, разукрашенный орнаментами с изображением птиц и удивительных садов. Каждое движение человека заставляло нарисованных птиц расправлять яркие крылья и пёстрые хвосты, а цветочные бутоны распускаться ярким цветом, переливаясь оттенками.

– *Ох...* – удивлённо отпрянула девушка.

– *Это древняя техника вышивания «шёлк по шёлку».* Она требует великого мастерства, и результатом являются потрясающие «живые» объёмные картины на ткани. А всё остальное – иллюзия, глупышка, – успокоил девушку парень.

Человек на подушках хитро приподнял правую бровь, и с пледа слетела маленькая птичка. Она пересекла простран-

ство комнаты в три взмаха пёстрых крыльев, подлетела к носу парня, и клюнула в самый кончик. Не то чтобы больно, но дико обидно. Девушка звонко рассмеялась.

– *Не будь таким самонадеянным, мальчик,* – зазвенел вновь голос из-под пледа, где всё ещё не хватало одного рисунка.

Из-под пледа торчала крошечная рука, державшая длинную трубку. Исходящий из табачной камеры дымок пах ягодным чаем. Чашка трубки была сделана в виде головы китайского дракона, и имела глубокий зелёный цвет обработанного нефрита. Тонкий изогнутый мундштук был длинной с руку человека, державшего трубку. Парень искренне залюбовался изящной работой мастера.

– *Савинелли-старший лично изготовил по спецзаказу для меня. В честь открытия в 1876 году первого магазина.*

– *О...* – ответил парень, сравнив в уме, где 1876 год и наш, 2018. – *Так это, вам сейчас ...*

– *Неприлично говорить даме о её возрасте, заткнись,* – повелел с улыбкой человек, оказавшийся старушкой. – *Зачем пожаловали?!*

Она выпустила колечко густого дымка в сторону посетителей. Колечко распалось у носа парня, оставив после себя только аромат ягодного чая.

– *Мы просто гуляли, и набрали на ваш магазинчик. Джек очень любит Китай, и мы решили зайти в поисках сувениров,* – начала оправдываться девушка. – *Простите, если оби-*

дели...

– На обиженных воду возят, а я уже слишком стара для того, чтобы носить тяжести, если понимаете о чём я. Не волнуйтесь, я вижу, что вы пришли с добрыми целями. Что интересует? – по-прежнему не открывая глаз, улыбнулась старушка.

– Мифология, – ответили хором молодые люди.

– Значит, не просто так всех моих питомцев перелопали, а интересуетесь по-настоящему, – парочка смущённо потупилась, как дети, застигнутые врасплох со спреем в руках и недописанным матерным словом на стене любимой школы.

– Ну, что ж... перед тем как мы начнём, я должна предупредить вас о том, что приобрести тут можно только то, что вам подходит. А не то, что вам хочется. Все экспонаты моего магазина сами выбирают себе хозяев. Недостойные, имеющие нечистую душу и грязные помыслы, уходят ни с чем. Везёт, если на своих двоих уходят... А те, что душой и намерениями чисты, находят здесь своего друга на всю жизнь.

Парень с девушкой переглянулись, почуяв, что попали в какую-то авантюру.

– Для начала нам стоит познакомиться, – сказала хозяйка, выпустив струю ароматного дыма. – Фамилия моего рода – Сиенчжи. Мы провожали многие столетия, наблюдая за развитием цивилизации великого Китая, от самых древних времён. Мы стоим у истоков большинства самых вет-

хих легенд нашей страны, и даже некоторых мифов других стран. А всё потому, что наш род и есть миф. Драконы, лисы, фениксы, волки, тигры, всё, что вы знаете сейчас из мифов – это мои предки. И в лавку эту просто так не попасть. Это должно быть предрешено судьбой. Ну, и кто-то из ваших предков немного пошалил в Китае... Мы свою кровь издалека чуем. Вон, как на вас Байцзэ смотрит.

Из-за угла показалась круглая голова, размером с 15-литровую кастрюлю. Голова очень напоминала львиную, но была увенчана двумя ветвистыми оленьими рогами. И глаза... Все же видели на National Geographic эти съёмки со львиными прайдами? Там ух какой взгляд у самцов – не подходи, сожру. А у этого глазюки круглые, и смотрит как кот из Шрека... Сразу погладить хочется, потискать... молочка налить и на ручки взять. Но, учитывая размеры головы, его взять можно только в 20-футовый контейнер...

– Фффыррррррррр... – глазюки зажмурились. Байцзэ довольно сощурился, и исчез за стеной.

– Хулиганьё... – буркнула бабуля, и выпустила новую струю ароматного дымка.

Сказка № десять.

Или «Бу! Попался...»

– Эй, детка! Эй! Кис-кис-кис, крошка! – она закатила глаза. Сколько их таких ещё будет...

– Детка, ты горячая штучка, давай познакомимся поближе! – таких глупых, слюнявых, идиотов.

– Парень, тебе жить надоело?! – возникнув около него в секунды, преодолев 6 метров гибким прыжком, она вжала его в кирпичную кладку.

– Я...я-я-я...

– От вялого голова. Чё надо? Познакомиться хотел?! Давай... – она плотоядно прищурилась, обнажив пару острых клыков.

Уронив бездыханное тело на асфальт, она брезгливо вытерла ладошки о пальто.

– Даже не пнула... Как ты мог вырубиться в такой ответственный момент?! Я не жру трусливую падаль... Альфа-самец сраный.

Она сплюнула. И, покачивая бёдрами, двинулась дальше.

– Даже не дала мне повеселиться, – обиженно пробурчало из кармана.

– Поверь, я сама не успела.

– Бууууу...

– Прекращай... Следующего отдам тебе.

– Правда-правда-правда???- из кармана торчала пара рыжих пушистых заячьих ушей.

– Правда...

– Хорошишишоооо... – прошипело в ответ.

Она остановилась посреди переулка, оглянулась по сторонам. Никого вокруг. Девушка сняла берет, встряхнула копну чёрных волос. Голливудские волны легли на плечи.

– Эй, красотка...

– Он твой. Как обещала...

– Иишиийй!!!! – заячьи уши встрепенулись. Показалась маленькая рыжая лапка. Она цепко ухватилась за край кармана.

– Эй, крошка, ты с собой носишь своего маленького игрушечного зайчонка? Ми-ми-ми!

– Да, милый, подойди поближе. Я дам тебе разглядеть моего зайчонка... – Она недобро ухмыльнулась, разворачиваясь лицом к лицу с идущим на смерть.

Карман пальто оттянулся и за ушами показалась макушка.

– Он у тебя на батарейках, что ли?! Ахаха!

– Ох, да ты остряк, милый?!

– Оххххх... Оссссссстряаяяк... – лапка стянула с мордочки край кармана.

– *О БОЖЕ!!! ЧТО ЭТО?? ЧТО ЭТО ЗА ХРЕНЬ!!!*

– *Мысли о Боге сейчас как нельзя кстати, дорогой. Бу?*

Красные немигающие глаза сверлили взглядом жертву, запершую у стены неподвижной куклой.

– *Бу всегда производит неизгладимое впечатление на мужчин...*

Существо с заячьей рыжей головой медленно вытекало из кармана черного женского пальто, сверкая змеиной чешуёй. Приподняв рыжий корпус, покачиваясь на хвосте, оно протянуло в сторону парня две пушистые лапки:

– *Хочешь погладить зайчика?* – просипело существо. Парень в ответ издал крик, больше подходящий девочке второкласснице.

– *Хочешь...* – существо раскрыло пасть, и вместо заячьих резцов показались острые зубы. Ими было усеяно всё внутри, даже нёбо. Десятки тонких белых иголочек.

– ... *Поиграть?*

Длинный змеиный хвост щёлкнул по асфальту, как кнут. Последнее слово переросло в рык.

Существо швырнуло себя толчком хвоста на жертву.

– *Бу, ну, ты как всегда...*

– *Нууу...* – существо, походившее на милого зайчика толь-

ко сверху, смотало кольца змеиного хвоста в бесконечном кармане пальто. – *Я же стараюсь...*

Бу причмокнула. Потом мило икнула. И отрыгнула дистальную фалангу правого мизинца.

– *Манер тебе не занимать...*

– *Вэж...*

– *Я с тобой так никогда замуж не выйду,* – Она хохотнула.

– *А то ты прям замуж рвёшься. Аж волосы назад – летишь к алтарю.*

– *Ну, вдруг кто-то польстится...*

– *Держи карман шире, вахах. Поняла, да?! Карман! Шире!*

Я даже не знаю кем она была до этого... Чьей душой? Я знаю одного има, и по нему отчётливо видно, что в прошлой жизни он курил сигары, стрелял в людей из револьвера и лично нарушал сухой закон в Америке в 1920. А Бу? Кем она была? Суккубом?? Невозможно из не-человека снова переродиться в не-человека.

Она шла, постукивая шпильками по асфальту. Она совершенно изменилась: отрастила волосы, перекрасилась в чёрный. Стала носить вместо балахонов узкие платья и женские пальто. Красила губы в откровенный красный.

Всё изменилось. С тех пор как она сошла с реактопоез-

да...

Она шла, уставшая, еле переставляя ноги от усталости. Присев на первой попавшейся лавочке, она благополучно заснула. Даже не думая о том, что кто-то может унести её нехитрый скарб.

Она проснулась оттого, что кто-то настойчиво шарил по её одежде. Наверно воры, подумалось ей. Хотят найти драгоценности. Если я притворяюсь спящей, они заберут то, что найдут и оставят меня в покое.

Но, они не оставили.

– *Позови меняяяя...* – в голове заскользил незнакомый голос.

– *Кто ты?*

– *Ты не в том положении, чтобы задавать вопросы... Позови меня на помощь...*

Чужая рука нагло задрала блузку.

– *Боже... Что вы делаете??* – девушка распахнула глаза. Какой-то парень свободной рукой уже расстёгивал ремень на джинсах. Ослабившись, он недвусмысленно облизнул губы.

– *Позови меня... Ты не справишься одна... Ты слабааааа...*

– *Оставьте меня в покое!!!*

– *Лежи, сучка, и не рытайся!* – холодные пальцы больно сжали горло, перекрыв доступ кислорода.

– *Как.. мне.. позвать..* – она задыхалась не столько от за-

хватает, сколько от отвращения. И уже понимала, что не выкарабкается.

– Назовиши меняяяя...

– *Бу!!!* – захрипела она вслух. Единственное, что пришло на ум. Имя маленькой девочки из старого детского мультика.

– *Бу?! Ты что же, так меня отпугнуть решила, тварь?!*

Парень наклонился к её лицу. И в эту же секунду что-то противно хрустнуло. Пальцы разжались. Несостоявшийся насильник мешком рухнул под лавку.

Она закашлялась. Растирая шею, поднялась. На спине, уже точно труп, сидело существо.

– *Да что же ты такое?..*

– *Ты что, не могла имя поинтересней выбрать? Бу?? Серьёзно???*

– *Кто ты?*

– *Боги, какая ты тупенькая, теперь я твой им,* – существо прищурило красные глазки, мигнув рыжим длинным ухом.

– *Вы разве так появляетесь?*

– *Ну а как ещё?! Ты хотела подарочную коробку с красным бантиком? Сорян. Я далеко не подарок.*

– *Это я вижу... У меня не было има. Я не знаю о вас ничего существенного.*

– *Никто не знает. Даже мы сами. Одно скажу точно, появляемся мы как раз в нужный момент. И у каждого из*

людей он свой. Кому-то не хватает музы, кому-то родителей, кому-то кошки. А тебе не хватало охраны.

– Как ты нашла меня?

– Из миллиарда звуковых напылений пространства я услышала именно твой голос. Он притянул меня. И я решила выйти из своего уютного «ничто».

– Спасибо... Что спасла. Но ответов маловато.

– С тебя, пожалуйста, на сегодня хватит.

– Да... Прости за имя.

– Да чего уж там, бывает, – существо досадливо щёлкнуло змеиным хвостом.

С тех пор они стали неразлучны. Постепенно она начала замечать, как меняется. Кроме Бу спросить было не у кого...

– В общем, дело обстоит так. Имы помогают своим людям. Но при этом, чем больше помощи мы оказываем, тем больше сил нам требуется. Поэтому мы иногда занимаем их у своих людей. От этого вы частично приобретаете черты своего има. Взаимозамещение, ясно? Тебя это беспокоит?

– Не то чтобы беспокоит... Просто я странно выгляжу...

– С чего ты решила?!

– На меня каждый мужик смотрит как оголодавший на стейк... И эти зубы...

– Не бойсь, как у меня не вырастут. Такие заслужить

надо,- Бу хохотнула.

– Ты просто становишься более привлекательной.

– С клыками???

– А что тебе не нравится? Помимо клыков, вон, одеваться хоть стала нормально. Чем тебе клыки не нравятся?!

– Ох, Бу... Ты не договариваешь...

– Нууу... Помимо прочего, я получаю энергию от убийств.

Сорян.

– Это у всех вас так?!

– Нууу... Нет. Особенная, блин, я.

– Да уж, повезло.

Бу не рассказывала всё. Только маленькими обрывками. Она знала больше, но не хотела разговаривать. После долгих расспросов, она неизменно щёлкала хвостом от досады и сворачивалась в кармане кольцами. Словно виноватой себя чувствовала...

С тех пор Бу защищала её. Долго... До тех пор, пока взаимозамещение не достигло пика. Пока девушка сама не превратилась в суккуба. Теперь им обоим нужно было восстанавливать силы за счёт жертв. Только Бу их жрала. А она выпивала энергию, высасывала душу, оставляя пустую оболочку.

Чем больше они оставляли за собой трупов и безумных немых овощей, находящихся в сознательной коме разума,

тем сильнее были волнения в прессе.

Газеты кричали о потрошителях, мясниках и маньяках. Для мужчин ввели комендантский час. Но, мужчины не женщины, чтобы после 10 вечера дома сидеть. Всегда находился хотя бы один идиот каждый вечер. Еды хватало обеим.

Вдали раздались звуки быстрых и неосторожных шагов, они вывели её из воспоминаний.

Мужские ботинки. Шли торопливо, не скрываясь. Неужели ещё один сумасшедший. Ну почему вам не сидится дома в комендантский час?!

Она стремительно развернулась.

– ... *Лара???*

– *Барри?!!!*

Из кармана зашипело, показались рыжие кончики ушей.

– *БУ!! НЕТ!!!!*